

18. Наумова Е. О. Языковая игра как средство актуализации прецедентных текстов в современной российской прессе // *Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть. Материалы конференции*. Ялта, 1 — 6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001, С. 184 — 186.
19. Николаева Т. М. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // *Фразеология в контексте культуры* / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: “Языки русской культуры”, 1999. — 336 с., С. 250 — 260.
20. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: 1988. — 125 с.
21. Песни наших отцов. Песни революции и гражданской войны (для детского хора в сопровождении фортепиано). — М.: “Музыка”, 1973. — 38 с.
22. Равлюк С. І. Індивідуально-авторське використання аксіологічної фразеології у художньо-публіцистичних виступах. // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. праць / Редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Тво “Знання України”, 2003. — 327 с., С. 211—216.
23. Русская советская эстрада, 1946 — 1977: Очерки истории / ВНИИ искусствознания; Отв. ред. Е. Д. Уварова. — М.: Искусство, 1981. — 527 с.
24. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999. — 223 с.
25. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
26. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. — М., 1993, С. 98 — 117.
27. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания*. №6, 1995, С. 17 — 29.
28. *Щас споем..!* / Сост. В. В. Демченко. Худ. Н. В. Игнатьева. — Харьков: “Ренессанс”, 1997. — 256 с.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2004 г.

УДК 811.1611:378.147

О. Чуреева

КОНЦЕПТ *ДУША* В РУССКОМ РОМАНСЕ

Предметом нашего исследования является концепт *Душа*, рассмотренный с точки зрения лингвокультурологии, лингвокогнитологии и лингвистики.

Отметим, что в разное время к проблеме исследования концепта *Душа* на базе лингвистических данных обращались многие учёные, каждый из которых по-своему рассматривал этот вопрос: С. Г. Тер-Минасова [8], лингвокультурологи (В. А. Маслова [7], В. И. Карасик [6]), представители Воронежской когнитологической школы (С. Г. Воркачѳ [4], А. П. Бабушкин, М. Т. Жукова [1]), Л. Ю. Буянова [2] и др.

Сегодня вся лингвистика, лингводидактика и, в частности, методика РКИ переживают заметный рост интереса к проблеме “диалога культур”, межкультурной коммуникации. В значительной мере это связано с большим интересом методической мысли к идеям когнитивной лингвистики. В настоящее время в преподавании РКИ действует подход: “культура—цель; язык—средство” [5, с.74]. Следовательно, инофоны должны овладеть знаниями о базовых компонентах культурного ядра. Концепты представляют собой проекцию национального сознания на плоскость языка. Особое внимание уделяется исследованию концептов, наиболее полно отражающих специфику русского национального характера, как то: *Душа, Любовь, Тоска* и т. п. Идея души существует в каждой культуре, но принимает различные формы и семантические оттенки. Концепт *Душа* является основой русской ментальности и отражает отношение носителя русского языка к Универсуму и к реалиям Универсума.

Актуальность исследования. Исследование концепта *Душа* представляется перспективным в связи с усилением тенденции к изучению соотношения языка, сознания и культуры. Концепт *Душа* на различных лингвокультурных срезах приобретает специфические психолого-эмоциональные и семантические очертания. Отсюда следует, что поднятие всё больших пластов русской культуры, отражённой в языке, и обращение к разным слоям языка обусловит более глубокое и объективное понимание особенностей русского менталитета.

Новизна работы. Поскольку исследуемая категория семантически многогранна, представляется объективным аспектологический подход к данной проблеме, то есть анализ концепта *Душа* на лингвокультурологическом срезе русского романса. Отметим, что сочетание “русский романс” стало устойчивым, так как это явление представляет собой не просто песенный текст, а зеркало русского сознания, или, правильнее сказать, “сверхсознания”. **Материалом** для данного исследования послужили тексты русских романсов в количестве 285 произведений и 111 примеров, в которых встречается концепт *Душа*.

Практическое значение. Исследование концепта *Душа* на материале русских романсов представляется полезным для практики РКИ, так как их малая форма позволяет дать анализ романса в пределах одного занятия. Кроме того, важно отметить, что романс представляет собой синкретичный жанр, соединяющий поэзию и музыку в целостное и гармоничное образование. К тому же романс—это самобытное явление русской культуры. В связи с этим обращение к исследованию концепта *Душа* на материале текстов русских романсов представляется вполне обоснованным.

Цель исследования—на основании анализа языкового материала сформулировать вывод о том, каким образом русское самосознание преломляется в тексте романса и как представлен в нём концепт *Душа*, а также, какое значение имеет полученная информация для практики РКИ.

Анализ конкретного материала позволил нам выделить доминирующие дефиниции концепта *Душа*. Отметим, однако, условность такой классификации в

силу сложности структуры рассматриваемых текстов, обуславливающей многогранность и размытость значений концепта. Итак, поскольку язык является не только средством выражения концептов, но и средством их познания, то концептуальный анализ имеет своей целью определить статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании людей.

На основе классификации Л. Буяновой [2], мы выделили несколько условных дефиниций концепта *Душа*, наиболее значимыми и продуктивными из которых представляются следующие:

1. “Душа-место”. Данная дефиниция включает в себя ряд оппозиций таких, как “открытое/закрытое”, “своё/чужое”: “*Темно вокруг, темно в душе*” (“Темно вокруг, темно в душе...”); “свет/тьма”: “*Всё пролетело давно, На душе так темно*” = *грустно, одиноко, тяжело* (“Всё пролетело давно”, сл. О. Осенина), “зима/весна”: “*И весна мне не на радость, Коль зима в душе моей*” (“Он уехал”, сл. С. Донуурова), “*О, как в душе и холодно, и пусто. Одна, опять одна с моей тоской о вас*” (“Пустые слова”, сл. Н. Пучковой), “*Вернись ко мне!... В душе пустыня*” (“Вернись ко мне!”, сл. С. Баторина)— актуализируется тема одиночества.

2. “Душа-огонь”. Следует отметить значительное количество отсылок к данной античной мифологеме (Гераклит, Демокрит). Например: “*душа горит в истоме жгучей*” (“Весь мир забыть!”, сл. К. Северянина), “*В душе пожара нет, потухло зарево*” (“Медовый, аметистовый”, сл. К. Подревского), “*И в душе твоей вспыхнула любовь*” (“Почему я безумно люблю...”, сл. Б. Гуровича) и т. д.

3. “Душа-глубина”. Выделение данной дефиниции обусловлено тем, что в русской картине мира внутреннее пространство структурируется по вертикали. Отметим, что понятия “верх-низ” дихотомичны, так как глубина в микрокосме часто соответствует высоте в макрокосме: “*Гимн из души рвался ввысь к небесам*” (“Розы увяли”, сл. А. Красносельского). Приведём также примеры фразеологизации, связанные с актуализацией темы сокрытости: “*Я вашей тайною печалью гордился в глубине души*” (“Когда в предчувствии разлуки...”, сл. Я. Полонского), “*А я пил горькое пиво, улыбаясь глубиной души*” (“Матросы”, сл. Б. Доева) — скрытая улыбка, приписываемая русским западной культурой; “*В душе моей иссяк давно весенний ключ*” (“Только тогда”, сл. П. Германа). В некоторых случаях отчётливо проявляется связь романса с фольклором и русской фразеологией (“глаза—зеркало души”): “*Глянут в душу очи ясные—Закружится голова!*” (“Над полями да над чистыми”, сл. А. Рославлева)— оппозиция “внутреннее/внешнее”.

4. “Душа-орган чувств”. Согласно наивно-языковым представлениям душа может отождествляться с органом чувств, при этом необходимо подчеркнуть связь с концептом *Память* (память рассудка и память души): “*Звучат уже едва в душе воспоминанья*” (“К чему слова...”, сл. Ю. Юратова), “*И взором проводя, слежу за ней душою. И каждый звук её я в памяти твержу*” (“Я не люблю её.”, романс цыган “Яра”), “*Оттого душа и сердце слышат до сих пор в знакомых звуках и улыбку, и укор*” (“Звонкой песней.”, сл. О. Осенина), “*Так памятью можно в минувшем нам жить И чувств упоенье в душе сохранить*” (“Романс”, сл. И. Козлова).

5. “Душа-Alter ego человека”. Отметим, что для русского романса в целом характерно тяготение концепта *Душа* к концепту *Сердце*. Наиболее отчётливо

это прослеживается в ряде примеров употребления понятия "душа" в значении "Alter ego" человека": "*Стон души о разбитой любви*" ("Молчи, грусть, молчи!", сл. А. Френкеля), "*Болезнь любви в душе моей*" ("Признание", сл. М. Пушкина), "Но, Боже, как людей она возненавидит. Когда весь хлад души моей поймёт она!" ("Я не люблю её", романс цыган "Яра"). Концепт *Душа* часто связывается с мотивом боли, страдания и тоски: "*Когда б он знал больной души мученье...*" ("Когда б он знал...", сл. В. Филиппова). "*Новых я песен совсем не пою, Старые петь избегаю - Тревожат мне душу больную мою, И с ними, ах, с ними сильней я страдаю*" ("Вы спросите песен? Их нет у меня...", сл. С. Макарова), "*И на душе больной* Так грустно и тоскливо" ("Осенний мираж", сл. А. Суханова) =ФЕ "душа болит; "Давно в тоске душа моя" ("Давно в тоске душа моя", сл. Л. Кальщевского), "*Поезд мчится в туманную даль, Ночь как прежде в окошко глядит, Душу мучит тоска и печаль, И вагон равнодушно стучит*" ("В дороге", сл. Н. Харито).

б. "Душа-предмет" (преимущественно хрупкий): "*И насмешкой злой, жестокой мою душу разобьёшь*" ("Ты не поймёшь", сл. Н. Харито). "*Не лейте в душу яд Больных своих улыбок*" ("К чему слова", сл. Ю. Юратова).

Относительно религиозного значения, отметим, что для романса характерен перенос сакральных понятий и смыслов на плоскость состояния любовного переживания:

а) языческие представления, связанные с идолами, кумирами: "*Мой грозный Бог, моя святыня*" ("Вернись ко мне!", сл. С. Баторина). Сочетание "отдать душу" часто употребляется с выразительной и экспрессивной целью. При этом акцент делается на интенсивности переживания и способности к самопожертвованию: "*Я тебя бесконечно люблю, За тебя я отдам свою душу*" ("Я тебя бесконечно люблю", сл. В. Мятлева), "*В поцелуе одном завладела б душой*" ("Сердце рвётся к тебе", старинный романс в обработке Е. Юровской), "*Вам не понять моей печали, Когда растерзаны тоской, Надолго вдаль провозжали того, кто властвует душой*" ("Вам не понять моей печали...", романс с напева Н. Дулькевич);

б) один раз встречается фразеологизм собственно религиозного наполнения "отдать Богу душу" в значении "умереть": "*Вдруг выстрел раздался и нарень упал. Со стоном он Господу душу отдал*" ("Ночное", сл. Н. Харито);

в) отметим также один случай употребления понятия *Душа*, связанный с православной церковной традицией: "*Что затихли, удалые?... Эй, ты, Фролка, чёрт, пляши!... Грянь, ребята, хоровую, за помин её души!*" ("Стенька Разин", русская былина в записи Д. Садовникова). В данном примере отчётливо проявляется двойственная природа русского характера: склонность к крайностям, двоеверие, отмеченное Ю. С. Степановым.

Обратим внимание, кроме прочего, на важность фоновых знаний при анализе концепта *Душа* на материале русских романсов и интерпретации безэквивалентной лексики. Приведём пример из романса "Бубенцы", указывающий на связь артефакта русской культуры с особенностями русского самосознания: "*Звон бубенчиков трепетно может Воскресить позабытую тень, Мою русскую душу встревожить, Всколыхнуть мою русскую лень*" ("Бубенцы", сл. А. Кусикова).

В данном контексте содержится указание на национальную специфику, на доминанты русского менталитета.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

- 1) концепт *Душа* занимает приоритетное место в текстах русских романсов;
- 2) анализ данного лингвистического материала позволил выделить семь основных значений, из которых наиболее актуальными являются следующие: “душа-глубина” и “душа-alter ego человека”;
- 3) концепт *Душа* коррелирует с такими важными для сознания русского человека концептами, как *Сердце* и *Память*;
- 4) исследование концепта *Душа* на материале русских романсов имеет большое значение для практики преподавания РКИ, так как выявление особенностей менталитета, зафиксированных в лексике, во многом облегчает инофонам процесс овладения языковой и культурной компетенциями, а также способствует более глубокому и адекватному восприятию художественных текстов.

Литература

1. Бабушкин А. П., Жукова М. Т. Перевод художественного произведения как культурная адаптация картины мира // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж, 2002.
2. Буянова Л. Ю. Концепт Душа как основа русской ментальности: особенности речевой реализации.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999.
4. Воркачёв С. Г. Методологические основания культурологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. — Выпуск 3. — Воронеж, 2002.
5. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. — Серия 9. Филология. — №6. — М.: Издательство Московского университета, 2001.
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. — Воронеж: Перемена, 1996.
7. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию/ Учебное пособие, — М.: Наследие, 1997.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация — М.: Слово, 2000.
9. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. Н. Молоткова. — 4-е издание, стереотип. — М.: Русский язык, 1986.

Источники

10. Очарование романсом. — Киев, 1998.
11. Старинный русский романс. Гори, гори, моя звезда. — М.: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2002.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2004 г.